

Въезд в приграничный город государства Боцзянь.

Наступила весна.

Отдыхавшие четверть года торговцы вновь стали налаживать своё дело, пережив суровую зиму, что препятствовала торговле, постепенно восстанавливали процветание, и обозы с товарами ежедневно беспрерывным потоком въезжали и выезжали из городских ворот.

Однако в этот день у ворот время от времени раздавались недовольные возгласы.

Солнце уже было на высоте трёх шестов [1].

— Хм?

— Что случилось?

— Сегодня что-то произошло? Почему городские ворота всё ещё закрыты, а?

Простолюдины и торговцы, желающие продвинуться дальше, и у которых были полны обозы, с непониманием смотрели на плотно закрытые ворота.

— Который час?

— Генералы и войска заснули?

— Не стоит выдумывать.

Среди спящей толпы один разодетый молодой торговец, остановив старика, почтено спросил:

— Дядя [2], я здесь впервые — приехал с юга, позвольте спросить, когда откроются городские ворота?

— Если как обычно, то уже давно должны были открыться. — С тревогой на лице старик вытянул шею и, посмотрев на городские ворота, пробормотал: — Я обещал господину Хуну, что сегодня до полудня привезу шёлк. А сейчас всё пошло прахом.

Утро определяет целый день, сейчас было самое время заниматься торговлей, однако кто-то пересекал границы Юнъинь, кто-то отправлялся в город закупить шёлка, но все нарвались на закрытые массивные ворота, поэтому неудивительно, что люди кипели от ярости.

Все, кто поднял шум, внезапно услышали чей-то крик:

— Ворота открываются!

И действительно массивные ворота слегка зашатались и под многочисленными нетерпеливыми взглядами со скрипом потихоньку отворились, показывая щель. Проем становился больше, и вскоре в нём появились два отряда караульных, которых можно было видеть каждый день.

— Дайте проехать! — Спешащие заняться своими делами люди стали проталкиваться сквозь толпу стражников, загородивших дорогу к воротам.

Тот старик, смахнув пот со лба, посмотрел на солнечное небо и спокойно проговорил:

— Хорошо, может, ещё доставлю вовремя.

— Не толпитесь! Не толпитесь! — раздался в толпе громкий голос командира отряда. — Назад! Сейчас нельзя никого впускать!

Толпа изумилась.

— Почему?

— Генерал, я как раз отправился купить лекарств, моя жена заболела.

— Всё ещё нельзя войти?

Генерал отряда, находясь в народном окружении, чуть не задохнулся и, подозвав к себе нескольких приближённых солдат, приказал им вытащить клинки, благодаря чему образовался полукруг. Несколько людей, что оказались рядом, вскрикнули, и множество отступили, освободив пространство.

— Сейчас нельзя никого впускать, — нетерпеливо отмахнулся глава стражи. — Хотите войти, ждите, прочь с дороги. Ты и Сун Дэ возьмите один отряд, охраняйте городские ворота, не пускайте никого. Скорее! Скорее! Не мешкайте!

— Господин генерал, — с осторожностью вышли вперёд торговцы, — когда мы сможем войти?

— Когда войдёте, тогда войдёте. Разойдитесь! Не мешайте работать уважаемым чиновникам! Эй, кто-нибудь! Вы чем занимаетесь? Возьмите и уберите всех этих людей, чтоб не преграждали путь, — крикнул генерал, и из ворот выскочили ещё два отряда караульных, размахивая клинками и сгоняя людей на зелёный луг.

Толпа переглянулась.

— В чём дело?

— Что за напасть!

— Кто знает? Подождём.

Речи чиновника громче, чиновник всегда прав [3], как простолюдин мог смело подавать голос?! Простолюдинам только и оставалось, что удручённо продолжать ждать.

Четыре-пять торговых обозов также были остановлены у городских ворот. Эти люди, объездившие и север, и юг, привыкли к невзгодам, потому вовсе не беспокоились о подобном пустяке. Промедления в торговле заставляли нахмуриться, но не более. Как ни крути, а ждать всё равно приходилось, тогда торговцы один за другим, сойдя с повозок, стали присматривать какие-либо возможности для своего дела.

Объехавшие все страны торговцы, собравшись в кучку, стали обмениваться последними новостями. Так как они находились в безопасности — под охраной императорских караульных — крепкие рослые «верзилы», отвечающие за сохранность товаров, также расслабились, и вся компания, столпившись, стала всячески обсуждать основные моменты уникального ночного гуляния, которое произошло у въезда в город. Более того, находящиеся там смыслёные хозяева-торговцы, улучив момент продать товар, разложились и зазывали:

— Бронзовое зеркало Пяо Жуна! Курительная трубка Янь Тин! Отличного качества товары, подходите, смотрите.

После первой череды зазываний ярко-зелёный луг у городских ворот превратился в шумный базарчик.

Поодаль от оживлённого места остановилась совершенно непримечательная повозка, несколько людей со всех сторон охраняли её, сзади повозки, где изначально должны были находиться охранники, хорошо защищавшие товар, размещалось всего два-три человека.

Висевшая на двери повозки занавеска была плотно закрыта.

В одно мгновение она шевельнулась, и из-под неё проворно высунулась голова. Под длинными и густыми ресницами показались иссиня-чёрные большие глаза.

— Уа, очень оживлённо. Люди торгуют все вместе.

Владелец иссиня-чёрных глаз, ещё не закончив говорить, внезапно истошно завопил, после

чего словно кто-то безжалостно его дёрнул, и мордашка, которую не успели внимательно рассмотреть, тотчас же скрылась за занавеской.

Кто бы мог подумать, что в этой повозке, охраняемой всего лишь десятком солдат, находятся возможно будущий правитель Поднебесной — император Силэй Жун Тянь — и его сердце и душа [4] — с трудом забранный из Дунфань князь Мин.

— Очень больно... — Сидя в повозке, Фэн Мин втянул шею и, недовольно обернувшись, уставился на того единственного из всех, кто мог бесцеремонно ущипнуть за ушко князя Мина из Силэй. Растирая изящную ушную раковину, юноша пробормотал: — Я только взглянул.

— В критический момент, только взглянув, можно навлечь опасность.

Фэн Мин буркнул:

— Жун Ху говорил, что, пройдя Ханьгуй, через день мы доберёмся до Боцзянь, а там и до границы Юньинь, как только войдём на территорию Юньинь, сразу окажемся в безопасности. Ах, Жун Тянь, а... — внезапно приблизившись и понизив тон, князь странно усмехнулся.

— Что такое?

— Снаружи полным-полно торговцев из разных стран.

— Ну?

— Всё равно мы в пригороде, можно ли мне...

— Нельзя, — решительно отказал Жун Тянь, не дав князю досказать.

— Но...

— Что «но»? — мужчина помрачнел. — Страны Ли и Дунфань мало уроков тебе преподали? — За те годы, что молодой император Силэй провёл на престоле, его мощь только увеличилась, а от одного лишь взгляда бросало в холодный пот.

Фэн Мин не ожидал подобной суровости, застыв, потупил взор и замолк на длительное время, схватив серебряную пиалу с рисом, угрюмо стал пересчитывать рисинки.

Снаружи раздавался гомон, от которого царящая в повозке тоска стала почти удушающей.

Жун Тянь спокойно и коротко посмотрел на свиток в руке, тайно наблюдая; как только князь

низко опустил голову, молодой мужчина уголком глаза осторожно окинул его и также осторожно, но внимательно взглянул на мордочку, которая казалась очень несчастной. Не сдержав вдоха, Жун Тянь отбросил свиток и, откинувшись на спину, поманил пальцем, говоря глубоким тоном:

— Подойди.

Посмотрев одним глазком, князь медлительно встал и приблизился, не желая поднимать головы.

— Ничего не хочешь сказать?

— Я виноват, я не должен давать волю своему нраву, так поступать очень опасно, могу погубить всех... — недавние наставления Жун Тяня молодой князь выучил наизусть.

— Фэн Мин...

— Неправильные поступки — моя вина, я должен держать себя в руках, не стоит навлекать на себя несчастье. — Закончив наизусть зачитывать своё преступление, Фэн Мин трусливо поднял взор на Жун Тяня.

От брошенного взгляда молодой мужчина внезапно занервничал.

— Почему таким взглядом смотришь на меня?

— Я... — И князь грустно проговорил: — Жун Тянь, недоволен ли ты мной? Испытываешь ли отвращение ко мне?

— Недоволен? Испытываю отвращение? — Густые брови Жун Тяня насупились. — Фэн Мин, как ты можешь такое думать?

Юноша сконфуженно вжал шею в плечи и шёпотом спросил:

— А ты не замечаешь? Ты сейчас становишься крайне жестоким ко мне, раньше, когда мы возвращались из Фаньцзя в Силэй и прятались вдвоём в повозке, ты не был таким.

На висках от напряжения проступили жилки, Жун Тянь поднял руку и слегка погладил уголок глаза.

— Фэн Мин... — тяжело вздохнув, император Силэй притянул князя к бедру и, прижавшись лбом ко лбу Фэн Мина, шёпотом спросил: — Ты знаешь, кто сейчас самый известный человек

во всех одиннадцати государствах?

— Это ты, — само собой ответил Фэн Мин.

— Это ты, — Жун Тянь покачал головой. — Разведка донесла, что твой портрет уже распространился повсеместно. И сейчас во всех одиннадцати государствах все императоры, все влиятельные чиновники, мелкие военные чиновники едва ли знают меня, однако велика вероятность, что они знают, как выглядишь ты. Понимаешь, что это значит?

Князь с горечью задумался:

— Это значит... что я уже превратился в международного преступника? — и с раздражением косо посмотрел на Жун Тяня. — Но это вовсе не объясняет, почему ты становишься крайне жестоким со мной, за последние дни каждый раз, когда я говорю с тобой, ты всё больше мрачнееешь. Когда ты всякий раз говоришь со мной, тоже мрачнееешь. Как только твоё лицо мрачнеет, мне сразу становится плохо...

Князь шёпотом болтал безумолку, Жун Тянь невольно нахмурился и, вытянув руку, коснулся его ушка, мягко говоря:

— Больно потянул?

— Конечно, очень больно, — закивал Фэн Мин, продолжая сетовать: — Ты всегда, скрываясь в повозке, читаешь свитки, оставляешь меня в стороне, да ещё... — Щёки быстро зарделись, однако князь всё-таки высказал: — Почему все эти дни мы не вместе?

— Разве всё это время мы не вместе?

— Я говорю о... — Шея князя так заалела, словно огнём зажглась. — В другом смысле вместе...

Жун Тянь странно посмотрел на Фэн Мина.

— Что смотришь? — с яростью спросил князь и вслед за этим, опустив голову, прошептал: — Обсуждать подобные вопросы тоже вполне нормально...

Жун Тянь спросил:

— Мы не... были вместе сколько дней?

— Десять дней, — не задумываясь ответил князь.

На что император Силэй холодно спросил:

— Кто десять дней назад говорил, что впредь не позволит мне даже волосок свой трогать?

Мордочка князя густо покраснела:

— Конечно, потому что ты чрезмерный развратник, которого не заботит: умру я или нет.

Жун Тянь вновь спросил:

— Кто одиннадцать ночей назад расшумелся, что хочет насладиться досыта, и оставил на моей спине двадцать три царапины?

У Фэн Мина покраснели уши, а сам князь, скрежеща зубами, процедил:

— Неужели из-за того, что я ляпнул про запрет трогать даже волосок на своей голове, ты добрых десять дней дулся на меня, отбросив в сторону, как деревянную куклу, и даже на крохотное моё требование не менее часа устроил выговор?

— Вовсе не из-за того сказанного запрета, — выражение лица Жун Тяня стало ещё суровее. — Я тогда так поступил из-за других твоих слов.

— Я ещё что-то сказал? — Фэн Мин нахмурил брови, размышляя, внезапно лицо просияло, а сам князь, подняв голову, взглянул на как раз смотрящего на него Жун Тяня и, внезапно широко открыв рот, спустя долгое время яростно завопил: — Не считается! То не считается! — непрерывно замахал руками, качая головой.

— Как можно это считать? — рассмеялся Жун Тянь, схватив думающего подкрасться ближе Фэн Мина. — Кто-то поклялся, что больше никогда добровольно не станет заниматься такими болезненными делами, а нарушивший клятву потеряет право на своё мнение в постели.

— Не считается! Не считается!

Прижавшись к багряному ушку князя, молодой император Силэй подул сладко-горячим дыханием, шёпотом говоря:

— Будешь капризничать, я ещё десять дней не буду с тобой разговаривать.

Князь застыл и с кислым выражением сказал:

— Ты, величественный государь, можешь без таких грязных приёмчиков? Прекрасно знаешь, я

не выношу тоску.

С улыбкой на лице Жун Тянь явно собирался открыть рот, как в этот момент Жун Ху приглушённо проговорил, стоя за занавеской:

— Государь, уже разузнали, что сегодня благородная персона посетит Ханьгуй, у городских ворот прибрались, а караульные расстелили красную дорожку, выказывая уважение.

Двое мужчин, прекратив шутить, сели на подушки.

— Благородная персона?

Посмотрев на недоумевающего Фэн Мина, Жун Тянь между делом шёпотом стал наставлять:

— Обычай Боцзянь — сначала благородные, потом низшие. Встреча с императорским родом или приезд чрезвычайно особой персоны, как правило, позволяют благородной персоне первой вступить в город. Потому сегодня, пока не приехала благородная персона в Ханьгуй, простолюдинам заходить в город нельзя.

Князь, поджав губы, проговорил:

— Из-за мизерного тщеславия так много хлопот и стараний, даже преграждают дорогу вне города, неудивительно, что Боцзянь не может быть могучей и сильной страной.

Жун Тянь сказал со смехом:

— В прошлом Силэй тоже придерживался подобных правил, только ради демонстрации высокого положения растрачивались человеческие и материальные ресурсы, что очень досадно. После того, как я вступил на престол, везде отменил это правило. — И, приказав Жун Ху войти, спросил: — Кто эта благородная персона, что прибывает сегодня?

Взглянув на сидящего в стороне князя, Жун Ху ответил:

— Это хорошо знакомый князя Мина.

— Хорошо знакомый? — Князь, закатив чёрные глаза, стал гадать: — Четвёртый принц Боцзянь — Бо Лин?

Но Жун Ху покачал головой.

— Неужели третий принц — Бо Цинь?

Жун Ху вновь покачал головой.

— Неужели... — Фэн Мин широко распахнул глаза.— Неужели это император Боцзянь лично решил приехать?

Жун Ху всё также покачал головой.

С тяжёлым вздохом император Силэй ласково похлопал по нежной щеке князя:

— Несравненно умный князь Мин, почему, как только Вы находитесь рядом с этим императором, внезапно глупеете в десятикратном размере?

— Поскольку возможен только один ответ, то пусть подумает один человек, не обязательно тратить два ума. — И князь обнажил чрезмерно вороватую улыбку: — Всё равно ты мне скажешь ответ.

Жун Тянь безнадежно и с чрезмерной любовью улыбнулся Фэн Мину и, переведя медленно взгляд на плотную дверную занавеску и постепенно став серьёзным, приглушённо ответил:

— Я подозреваю, что это принцесса Ли Мяо Гуан.

— Мяо Гуан? — князь с изумлением уставился на Жун Ху.

Глядя снизу вверх на Жун Тяня с восхищением и почётном, телохранитель ответил:

— Как государь догадался? Подчинённый немного погодя узнал новости, что эта Благородная персона — Мяо Гуан.

— Подождите! — резко замахал рукой Фэн Мин, и, пребывая в недоумении, несколько секунд поразмыслил: — Невозможно, между Ли и Боцзянь существуют разногласия, кроме того, Жо Янь пытался несколько раз вторгнуться на территории Боцзянь, даже если Мяо Гуан появится в Ханьгуй, ей не должны оказывать таких почестей.

Жун Тянь с лёгкой улыбкой возразил:

— Есть одно обстоятельство, позволяющее Мяо Гуан получить такой торжественный приём.

— Какое обстоятельство?

— Значит, что Мяо Гуан уже пообещала выйти замуж за Бо Циня и стала принцессой Боцзянь.

Эта новость была действительно потрясающей. Мозг прекратил считать дыхание, а сам князь нахмурился и спустя минуту проговорил:

— Тебе не стоит забывать, что тогда Мяо Гуан, чтобы поймать меня, обманула Бо Циня, убила его приближённых охранников, кроме того, навредила Бо Циню, чтобы он не смог доказать свою правоту [5]. Бо Цинь хоть и влюбился в Мяо Гуан, однако после случившегося он всё ещё готов жениться на ней?

Жун Тянь недовольно проговорил:

— Я десять дней был несправедлив к тебе и крайне жестоко поучал тебя, ты сейчас ещё послушнее сидишь на моём бедре.

Фэн Мин сразу же густо покраснел и, словно кролик, которому наступили на хвостик, спрыгнул с бедра императора Силэй.

Ле-эр, получив новости, уже струйкой дыма пробрался в повозку и сидел в углу, слушая их разговоры, а увидев, что Фэн Мин засмутился, телохранитель украдкой соорудил гримасу Жун Ху и, прикрывая рот, засмеялся исподтишка.

Подумав, князь всё же покачал головой:

— Даже если Бо Цинь согласен, однако император Боцзянь определённо будет против.

На что император Силэй медленно сказал:

— Жо Янь тяжело ранен, если он умрёт, то Мяо Гуан станет владелицей Ли. Заполучив такую жену для сына, можно получить могущественное соседнее государство, даже можно сказать, не приложив усилий, и тогда император Боцзянь станет государем ещё одной страны, как можно не учесть такой простой расчёт?

— Однако у императора Боцзянь есть четыре сына, а Бо Цинь очень любит свободу и совершенно не захочет становиться государем.

Ле-эр, увидев, что князь не в состоянии изменить точку зрения, не стерпел и вмешался:

— Князь Мин слишком непорочен, уже давно говорилось, что такую женщину, как Мяо Гуан, нельзя так просто отпускать. С таким коварным характером, как у этой женщины, она согласилась стать женой Бо Циня, наверняка потребовав стать будущей императрицей Боцзянь, только на таких условиях она может претендовать на Боцзянь. Если Бо Цинь без ума от жены, то, даже несмотря на своё желание стать простолюдином, пожалуй, ради престола согласится пожертвовать небольшой свободой.

— Среди четырёх принцев Боцзянь лишь третий принц — Бо Цинь — являясь сыном императрицы, таким образом император и императрица Боцзянь особенно предпочтут третьего принца, надеясь, что в будущем престол передадут ему, — приглушённо добавил Жун Ху. — Поэтому, если у Мяо Гуан одно из условий — заставить Бо Циня стать наследником престола, то прежде всего она может получить поддержку императрицы Боцзянь, которая надеется, что её родной сын унаследует престол страны.

Позволяя им говорить, что план Мяо Гуан выгоден всем сторонам, словно император и императрица Боцзянь вместе с Бо Цинем охотно шли в ловушку Мяо Гуан, Фэн Мин ещё больше рассердился и, по-прежнему качая головой, отозвался:

— Неверно, император Боцзянь когда-то сказал, что по справедливости выберет наследного принца и ещё специально придумал три задачи.

На что Ле-эр с жаром спросил:

— Правильно ли решат те причудливые задачи или нет, заключительное слово будет за государем Боцзянь, где уж там неописуемая справедливость?

— Но...

Жун Тянь перебил Фэн Мина и, вернув к себе на колени, мягко спросил:

— Фэн Мин, из-за чего так тревожишься?

Князь долго молчал, закусив нижнюю губу, после чего проговорил:

— Если наши догадки верны, то Ли и Боцзянь уже стали родными и дружественными державами, что является большой угрозой для Силэй.

— Верно.

Почувствовав слабость, Фэн Мин решил прильнуть к Жун Тяню и глухо проговорил:

— Жун Тянь, в прошлый раз, когда Мяо Гуан, рискуя собой, приехала в Силэй, ты ради меня её пощадил?

— Нет.

— Ты мне лжёшь.

— Это было моё решение.

— Это я повлиял на твоё истинное решение?

Ле-эр и Жун Ху, переглянувшись, поняли, что это не их дело и, проявив тактичность, молча удалились.

— Фэн Мин, подними голову. О каких ненужных вещах думает твоя маленькая голова?

Прижавшись лбом к груди Жун Тяня, князь отказался поднимать глаза и спустя долгое время глухо позвал:

— Жун Тянь...

— Я здесь.

— Не будь я слишком мягкосердечным, ты оставил бы себе эту несчастную Мяо Гуан?

В словах того, кто находился в объятиях, слышались угрызения совести, Жун Тянь невольно покачал головой и улыбнулся.

— Фэн Мин, послушай. — Мужчина скользнул по голове князя, распустил волосы, позволяя очень длинным, чёрным и мягким локонам ниспадать с пальцев. — Младшая сестра Жо Яня, принцесса Ли Мяо Гуан не сравнится ни с одним твоим волоском.

Князь горько усмехнулся:

— Однако теперь она не только младшая сестра Жо Яня, принцесса Ли, а также ещё жена наследника престола Бо Циня и будущая императрица Боцзянь.

— Хоть положение слегка изменилось, а сила стала могущественнее, однако, — император Силэй зажал в зубах нежный мизинец князя, — она всё же не сравнится с твоим ногтем.

Фэн Мин слегка взбодрился и, подняв голову, спросил:

— Мой ноготь ценнее императрицы?

— Конечно.

— Жун Тянь...

— М?

— Ты до боли укусил мой палец, — и князь пристально уставился на молодого мужчину.

Жун Тянь низко засмеялся:

— Этот император давно не наслаждался вкусом князя Мина, м-м, пальчик вкусно пахнет.

Князь увидел, что глаза Жун Тяня засверкали, словно звёзды, а его необычайно-благородные манеры заставили душу переполниться сладостью, и в тот момент, когда он сам, невольно подавшись вперёд, уже собирался в ответ укусить императорскую мочку уха, внезапно услышал конский топот. Всадников по крайней мере было около сотни, и чем ближе они становились, тем сильнее сотрясалась земля.

— Её Высочество — принцесса Ли Мяо Гуан — прибыла! — прогрохотали голоса. — Так что открывайте ворота, да поживее, чтобы все люди, собравшиеся там, могли поприветствовать Её Императорское Высочество!

— Приехала Её Высочество — Принцесса Ли Мяо Гуан! Открыть ворота, с почтением встречайте Её Высочество! — Прибыл, оказывается, только головной отряд.

Подняв уголок занавески, Жун Тянь мельком взглянул и с холодной усмешкой сказал:

— Самодовольные манеры. Принцесса Мяо Гуан... Хм, она ещё не официальная жена Бо Циня, однако Боцзянь дало ей привелегию как у царствующего рода, видимо, уже назначен день свадьбы.

Князь приблизился и, прижавшись лицом к лицу Жун Тяня, мельком взглянул наружу и, дёрнув за рукав императора Силэй, проговорил:

— Я внезапно вспомнил про одну проблему.

— Почему будущая императрица Боцзянь Мяо Гуан лично прибыла в приграничный городок?

Даже Фэн Мин был вынужден с восхищением взглянуть на Жун Тяня и, странно смотря на молодого мужчину, пробурчал:

— Иногда я подозреваю, что ты читаешь мои мысли [6].

Жун Тянь мягко рассмеялся:

— Не читаю. — Длинный указательный палец слегка надавил на грудь, а сам молодой мужчина прошептал на ушко: — Но я нахожусь здесь.

Услышав сладкие речи, Фэн Мин ненадолго лишился разума, решительно прижавшись к телу Жун Тяня и вдыхая исходящее от императора Силэй тепло, князь, похихикав с мгновение, внезапно проговорил:

— Неверно, ты планируешь окружить Вэй, чтобы спасти Чжао [7]. Ты всё ещё не сказал мне, почему Мяо Гуан приехала в этот маленький городок Ханьгуй.

Жун Тянь, казалось, не слышал вопрос Фэн Мина и, переведя взгляд за занавеску, оглядел большую торжественную процессию Мяо Гуан, как раз издалека направляющуюся к городским воротам.

Осторожный голос князя донёлся до ушей императора Силэй:

— Есть что-то плохое, потому не хочешь мне рассказывать?

На что Жун Тянь сказал с улыбкой:

— Где уж там что-то плохое? Только Мяо Гуан приехала в Ханьгуй с какими-то намерениями, и я лишь предположил, ещё не придумав истинного ответа. — И мужчина старательно погладил волосы князя. — Ты в последнее время постоянно сомневаешься и в духах, и в демонах [8], в конце концов, что происходит?

— Кто-то заставил тебя резко изменить свою позицию, и я, конечно же, бросаюсь от одной мысли к другой.

— Ах, это всё из-за того, что мы долгое время не были вместе.

— Жун Тянь!

Князь уже хотел было локтём ударить мужчину, как последний внезапно приглушённо отозвался:

— Молчу. — Острым взглядом посмотрев в окно, тотчас же помрачнел.

С изумлением Фэн Мин проследил за его взглядом.

Процессия уже прибыла, больше десяти прекрасных повозок были выстроены в одну линию, сопровождение Мяо Гуан, состоящее из десятков служанок, столпившись вокруг принцессы

Ли, спустилось с самой первой повозки. Больше ста личных телохранителей, превосходно владеющих мечом, последовали примеру служанок и отправились следом, а зеваки, которые осмелились приблизиться, были избиты плетью и отогнаны от Её Высочества.

Среди спящей туда-сюда толпы неизбежно поднялось осуждение.

— В конце концов, кто эта благородная персона?

— Матушка-государыня?

— Вздор! Не слышали о принцессе Ли? Её зовут Мяо Гуан.

— Вражеское государство Ли?

— Закрой рот, о военных и государственных делах простому люду не позволено болтать, тебе жить надоело?

Облачённая в наряд государства Ли принцесса выглядела равнодушной, изящно ступая по специально расстеленной красной дорожке, направлялась к городским воротам. Провожая острым взглядом из стоящей вдалеке повозки, Жун Тянь невозмутимо наблюдал за каждым её движением.

Фэн Мин прошептал:

— Одежда этих охранников похожа на форму императорских телохранителей Боцзянь.

— Эта форма принадлежит знатным телохранителям Боцзянь.

Фэн Мин с изумлением спросил:

— Оказывается, это высокоранговые знатные телохранители? Лишь у имеющих военные заслуги и действительно талантливых императорских телохранителей есть возможность получить награду императора Боцзянь, став высокоранговыми знатными телохранителями. Эти телохранители преуспевают в боевых искусствах, доблестны и заслуживают доверия, их обязанности и права отличаются от прочих охранников, разве они не отвечают за защиту самого императора Боцзянь?

На лице Жун Тяня промелькнуло огорчение:

— Посмотри на эту роскошь Мяо Гуан, видимо, наши догадки верны. К тому же Боцзянь придаёт огромную важность этой будущей императрице.

Фэн Мин обернулся и, глядя на императора Силэй, с недоверием сказал:

— Твоё лицо только что неожиданно изменилось, это из-за того, что ты увидел этих охранников?

Жун Тянь, вздохнув, сказал:

— Я только что увидел в толпе хорошо знакомое лицо.

— Чьё?

— Догадайся.

— Мне ещё угадать? — князь завопил, и, сложив ладони, проговорил: — Ваше Величество государь Силэй, я знаю, что не такой умный, как ты, не обязательно всегда таким путём бить по моему самолюбию. Откуда мне знать, сколько у тебя хорошо знакомых в одиннадцати государствах?

Слегка постучав по его голове, Жун Тянь вразумил:

— Ты должен чаще шевелить мозгами, не забывай, этот князь Мин из Силэй знаменитый и мудрый.

— Шевелить мозгами крайне утомительно. — Фэн Мин, высунув алый язычок, состроил гримасу и плутовато проговорил: — Разве только за награду.

Жун Тянь нахмурился:

— За такое тоже нужна награда? Хорошо, чего ты хочешь?

Князь взбодрился и спешно проговорил:

— Если я угадаю, то сегодня ночью я овладею тобой.

— Если ошибёшься, то в будущем мне решать, кто кем овладеет, — быстро выдвинул условия император Силэй.

Фэн Мин насупил брови и, поколебавшись довольно долгое время, скрежеща зубами процедил:

— Хорошо, по рукам. Только не жульничай, мы ударим по рукам, давая клятву.

— Вот только этот император не любит жульничать, как князь Мин.

Двое мужчин трижды ударили по рукам, и Жун Тянь сказал:

— Хорошо, угадай: кто тот человек, которого я увидел? Даю тебе три попытки, три раза ошибёшься, без сожалений обязан выполнить клятву.

— Такая трудная задача, и к удивлению, лишь три попытки. Хм... Ты только что в толпе увидел хорошо знакомое лицо, вероятно, это... вероятно это... — Фэн Мин долгое время специально хмурил брови и корчил страдающую мину, однако внезапно рассмеялся и с готовностью [9] ответил: — Это император Тун — Цин Дин, правильно?

Жун Тянь изумился:

— Как ты догадался, что это именно он?

— Потому что я тоже заметил его в толпе, искусство перевоплощения у Тун действительно не сильно [10] отличается от мастерства Мяо Гуан.

— Твоё зрение неожиданно так сильно развилось? Но ты же никогда не встречался с Цин Дином, откуда ты знаешь, что этот человек — он?

Одержав победу, князь не мог не ликовать, а услышав вопрос Жун Тяня, отступил назад и, живо поклонившись императору Силэй, проговорил, копируя голос Цю Юэ:

— Премного благодарен государю за то, что послали мне в учителя Жун Ху, который прежде чем рассказать про общее представление одиннадцати стран, заставил меня запомнить портреты императоров одиннадцати стран. Хо-хо, малыш Жун Тянь, сегодня ночью я как следует буду любить тебя, — последняя фраза звучала нарочито грубо и крайне самодовольно.

— Эта награда...

— Не раскаивайся! Не раскаивайся! Дай-ка, любимый Жун Тянь, поцелую...

В разгар шутки раздался топот копыт, медленно приближающийся к повозке императора Силэй.

Жун Ху, подстёгивая коня, поравнялся с повозкой и, опираясь на подоконник, приглушённо доложил:

— Мяо Гуан уже в городе, городские ворота теперь откроют.

— Сначала найди место для остановки, отправь людей разузнать конечную цель Мяо Гуан, — приказал Жун Тянь.

— Слушаюсь.

— Постой, Жун Ху. — И князь через занавеску затрепал без умолку, словно сорока: — Сегодня вечером ночуем в Ханьгуй, ни в коем случае не забудь найти самую лучшую гостиницу, чтобы комната была самая роскошная, и ещё... Забудь, Ханьгуй такой маленький городок, боюсь, что не найдётся здесь первоклассной гостиницы. Давай сделаем так, остальное не важно, самое главное — найди удобную кровать... Ай-яй! — внезапно воодушевлённый голос затих, должно быть, кто-то схватил князя за ушко.

Ле-эр, ехавший с правой стороны от старшего брата, охраняя повозку, услышал приказ князя и с удивлением спросил:

— Князь Мин, почему внезапно Вы такой радостный?

Как мог Фэн Мин, чьё ушко сейчас сжимал Жун Тянь, осмелиться раскрывать правду, и потому, сидя в повозке, увильнул от ответа:

— Потому что подумал: после того как покинем Ханьгуй, войдём на территорию Юньинь и очень скоро встретимся с Цю Лань и остальными. Угу, правда соскучился по Цю Лань.

Ле-эр с хохотом проговорил:

— Князь Мин может лишь скучать по Цю Юэ и Цю Син, а по Цю Лань пусть кое-кто другой скучает, ай! — Неизвестно, когда Жун Ху обошёл повозку с другой стороны и, используя ножны меча, безжалостно ударил Ле-эра по заду.

— Ворота открылись!

— Едем в город!

— Увы, товар доставлю только сейчас, сегодня непременно получу взбучку от господина.

До этого остановленные за городом люди спешно бросились к воротам, каждый смешивался с торговыми обозами, редкие товары — с драгоценностями, галдёж людей — с лошадиным ржанием, наполняя Ханьгуй бурной жизнью.

Этот пограничный городок страны Боцзянь, вероятно, никогда раньше не встречал столько благородных господ?

Примечания:

[1] Обр. в знач.: солнце уже высоко, позднее утро.

[2] Вежл. дядя; Вы (к другу отца, мужчине одного поколения или возраста с отцом).

[3] Букв. в иероглифе 𠄎 (чиновник) два 𠄎 (рта).

[4] В оригинале фраза звучит как «сердце и печень», обр. в знач.: душа, совесть, искренние чувства. Более того, печень, по старым представлениям —местилище души, связывалась со стихией дерева (木).

[5] В оригинале фраза звучит как «сто уст не докажут», обр.: не в состоянии доказать свою правоту; не иметь оправданий, не оправдываться.

[6] В оригинале фраза звучит как «червь в животе», обр.: понимающий человек.

[7] Выражение, употребляемое по примеру боя под Гуйлином в IV в. до н. э., для боевого приёма отвлечения сил врага ударом по его тылам; стратагема №2.

[8] Обр. в знач.: сомневаться решительно во всём, подозревать всех и вся.

[9] В оригинале фраза звучит как «в душе [в уме] иметь готовый бамбук [прежде чем начать рисовать его]», обр. в знач.: иметь ясное представление о способе решения задачи, иметь готовый план в голове, быть в полной готовности.

[10] В оригинале фраза звучит как «на 108 тысяч ли», обр. в знач.: очень далеко, напр., от истины.

<http://bllate.org/book/13377/1190166>